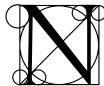

Даниэла
тш

Даниэла
Тим

Дорога
судьбы

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
С80

Серия «Даниэла»

Danielle Steel
THURSTON HOUSE

Перевод с английского

Компьютерный дизайн *А.А. Кудрявцева, А.Б. Ткаченко*
Студия «FOLD&SPINE»

Печатается с разрешения Benitreto Productions, Ltd.
и литературных агентств Morton L. Janklow Associates
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Стил, Даниэла.

С80 Дорога судьбы : [роман : перевод с английского] /
Даниэла Стил. — Москва : Издательство АСТ, 2015. —
416 с. — (Даниэла).

ISBN 978-5-17-091538-5

Брак немолодого миллионера и юной красавицы должен был завершиться — и завершился — крахом. Но от этого брака родилась Сабрина Терстон, наследница фамильного состояния и семейного дела, женщина, которой предстояло множество испытаний и нелегкий путь к счастью. Женщина, которая была истинной хозяйкой своей судьбы...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-091538-5

© Benitreto Productions, Ltd., 1983
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2015

Книга I

ИЕРЕМИЯ АРБАКЛ ТЕРСТОН

Глава 1

Солнце медленно опускалось за холмы, окаймлявшие сочную зелень долины Напа. Иеремия смотрел на яркие оранжевые полосы, постепенно переходившие в розовато-лиловую дымку, однако мысли его были за тысячу миль отсюда. Это был высокий мужчина с широкими плечами, прямой спиной, сильными руками и теплой улыбкой. К сорока трем годам в его волосах проступала обильная седина, но руки оставались такими же сильными, как много лет назад, в молодости, когда он сам добывал золото и приобрел свой первый прииск в долине Напа. Давненько это было... В восьмьсот шестидесятом. Он сам застолбил участок и первым обнаружил здесь ртуть. Тогда ему только-только исполнилось семнадцать и он больше походил на мальчишку, однако уже несколько лет не помышлял ни о чем, кроме старательского труда, как и его отец.

Отец Иеремии перебрался сюда с востока в пятидесятом, и его надежды найти золото на Дальнем Западе оказались напрасными. Прожив здесь полгода и набив карманы, он вызвал к себе жену с сыном, и те отправились в путь. Однако до отца добрался один Иеремия. Мать умерла по дороге. Следующие десять лет отец и сын трудились рука об руку, добывая сначала золото, а потом, когда оно стало иссякать, — серебро. Когда Иеремии исполнилось девятнадцать, отец умер, оставив сыну такое состояние, о котором тот и не мечтал. Ричард Терстон передал наследнику все, что имел, и Иеремия неожиданно стал едва ли не самым богатым человеком в Калифорнии.

Однако это его не слишком изменило. Он продолжал трудиться на приисках вместе с рабочими, покупал копи, землю, строил, расширял владения, разрабатывал не-

дра. Работавшие с ним люди утверждали, что Иеремия обладал неоценимым даром: любое дело, за которое он брался, приносило успех и росло как на дрожжах. Так случилось с рудниками, где стали добывать ртуть, когда запасы серебра в долине Напа подошли к концу. Он был скор на мудрые решения, и тугодумам оставалось лишь хлопать глазами, гадая, почему он поступил так, а не иначе. И край этот Иеремия любил больше всего на свете. Так и пропускал бы сквозь пальцы плодородный бурозем, так и сжимал бы его в ладони. Ему нравилось ощущать тепло и плотность этой земли, нравилось окидывать взглядом ее бескрайние просторы: холмы, деревья, уютную долину, расстилавшийся перед ним сочный зеленый ковер...

Он купил несколько виноградников и начал делать приятное легкое вино. Ему нравилось все, что давала эта земля: яблоки, грецкие орехи, виноград... руда... Эта долина значила для него больше, чем что-нибудь другое... или кто-нибудь другой. Из сорока трех лет жизни тридцать пять он провел здесь, глядя на все те же чуть скругленные холмы. Когда он умрет, пусть его похоронят здесь. Здесь его настоящая родина, единственное место на свете, где он мог бы жить. Куда бы ни забрасывала его судьба — а Иеремии Терстону пришлось поездить по свету, — ему хотелось жить только тут, в долине Напа, стоять и на закате любоваться своими холмами.

Горизонт понемногу затягивался пурпурно-серым бархатом, и душа Иеремии унеслась отсюда за тридевять земель. Вчера ему предложили выгодную сделку. Почти тысяча фляг ртути, и цена подходящая, но... было в этом что-то подозрительное... У него было какое-то странное предчувствие, но откуда оно взялось, Иеремия понять не мог.

Сделка выглядела безупречной, однако он все же обратился в свой банк с просьбой проверить финансовое положение предложившего ее бизнесмена. Ему не нравилось полученное письмо, не нравился его стиль. Оно беспокоило Иеремию. Слишком прямолинейным, нахрапистым и самонадеянным был его автор. Орвиль Бошан возглавлял солидную компанию, и было бы глупо требовать от него цветистых фраз, но... какое-то шестое чувство предостерегало Иеремию от этого человека.

— Иеремия!

Он улыбнулся при звуке знакомого голоса. Ханна... Она работала у него уже почти двадцать лет, муж ее умер от гриппа, незадолго до этого унесшего жизнь невесты Иеремии.

6 Однажды Ханна пришла на прииск в траурном вдовьем

платье, осуждающе посмотрела на него и ударила зонтиком по полу.

— У тебя не дом, а позорище, Иеремия Терстон!

Тогда он с удивлением взглянул на женщину, пытаясь оскорбить, какого черта ей от него надо, и вдруг понял, что это тетка одного из его бывших рабочих и что пришла она к нему в поисках места. Еще в пятьдесят втором отец Иеремии построил маленький домик в дальнем конце своих владений. Сам Иеремия прожил в нем долгие годы и не переезжал оттуда даже после смерти отца, однако постепенно его владения все более расширялись, он приобретал в долине Напа новые земли, присоединяя их к оставленным отцом.

В двадцать пять лет Иеремия начал подумывать, что пора бы и жениться. Ему хотелось иметь детей, хотелось, чтобы кто-то ждал его по вечерам, хотелось поделиться с кем-нибудь своим богатством. Пока у него не было времени тратить деньги, и он бы с удовольствием побаловал какую-нибудь хорошенькую девушку с ласковыми глазами, нежными руками и милым лицом, чье тело согревало бы его по ночам. Именно с такой юной леди и познакомили его друзья. Спустя два месяца после их первой встречи Иеремия сделал девушке предложение и начал строить для нее роскошный дом. Он выбрал место в середине своих владений, откуда открывался вид на необозримые горизонты. Четыре огромных дерева образовали красивую естественную арку, которая должна была защищать дом от летней жары. В общем, это был настоящий дворец. По крайней мере так казалось местным жителям.

Новый дом был трехэтажным. На первом этаже находились две великолепные гостиные, столовая с обшитыми деревянными панелями стенами, большая удобная кухня с огромным очагом, в котором мог бы уместиться сам Иеремия. На втором этаже располагались небольшой кабинет, комнаты хозяйина и солярий для его невесты, а на третьем — целых шесть спален. Дом был рассчитан с запасом. Иеремия не собирался перестраивать его после того, как у них появятся дети. Дженни осталась очень довольна. Ей понравились высокие окна с цветными стеклами и огромный рояль. На нем она собиралась играть по вечерам.

Однако судьба распорядилась иначе. Во время эпидемии гриппа, обрушившейся на долину в 1868 году, Дженни заболела и через три дня скончалась. Впервые счастье изменило Иеремии. Он оплакивал невесту, как мать оплакивает умершего ребенка. Ей едва исполнилось семнадцать,

и она наверняка стала бы прекрасной супругой. Некоторое время он как неприкаянный бродил по огромному дому, пока наконец не закрыл его и не перебрался в свою старую лачугу. Но теперь она показалась Иеремии неудобной, и весной 1869 года он все-таки вернулся во дворец, в котором собирался жить вместе с Дженни... Дженни... Он не мог находиться в комнатах, предназначенных для нее, не мог вынести мыслей о том, какой была бы их совместная жизнь.

Сначала Иеремия регулярно навещал родителей Дженни, но старался не смотреть им в глаза, видя в них отражение собственной боли, и избегал жадных взглядов, которые бросала на него куда менее привлекательная старшая сестра Дженни. Вскоре он запер двери комнат, которыми не пользовался, и перестал подниматься на второй и третий этажи, привыкнув жить только на первом. Постепенно две комнаты, которые занимал Иеремия, стали выглядеть не лучше его старой лачуги. В одной из них он устроил спальню, абсолютно не заботясь о том, чтобы обставить другие помещения в доме. К громадному роялю никто не подходил с тех пор, как к его клавишам прикоснулась рука Дженни. Иногда Иеремия открывал дверь огромной кухни, чтобы поужинать там в компании друзей. Ему нравилось сидеть за одним столом с другими людьми, которым было по душе в его доме. Иеремия не был ни замкнутым, ни высокомерным. Он всегда помнил о том, откуда пришел, о нищем домике на востоке, пронизываемом зимними ветрами, о том, как они с матерью гадали, хватит ли им припасов, чтобы преодолеть Скалистые горы и наконец увидеть реки, земли и прииск, где Иеремии предстояло работать рядом с отцом. И если теперь он сделался обладателем огромного состояния, то это случилось только благодаря его неустанному труду и стараниям отца. Он ничего не забыл и никогда не забудет... Так же, как никогда не забудет Дженни... или своих друзей.

За эти годы у него ни разу не возникло желания жениться. Какими бы привлекательными ни выглядели другие девушки, ни одна из них не казалась Иеремии такой же доброй и такой же веселой, как Дженни. Он годами помнил ее смех и восхищенный вздох, когда они увидели, как быстро возводится новый дом. Иеремии хотелось поскорее закончить стройку и подарить ей дом на память об их любви, но после того, как Дженни умерла, Терстон абсолютно охладил к нему. Иеремия не обращал внимания на облупившуюся краску, на протекающие потолки в нежилых комнатах. Посуда, которой он пользовался, постепенно покрывалась несмываемым

слоем грязи. Ходили слухи, что гостиная, в которой он спал, выглядела как хлев. Так продолжалось до тех пор, пока в доме не появилась Ханна. С ее приходом здесь все изменилось и он стал выглядеть так, как подобает человеческому жилью.

— Взгляни на этот дом, парень! — таковы были первые слова Ханны, когда он привез ее сюда прямо с рудника, еще сам точно не зная, что с ней делать. Но Ханне была позарез нужна работа. После смерти мужа ей нечего было делать, а Иеремии без нее не обойтись. По крайней мере так говорила сама Ханна. — Ты что, свинья?

Он рассмеялся, увидев ее сердитое лицо. Двадцать лет ни одна женщина не разговаривала с ним таким тоном. Стоило дожить до двадцати шести лет, чтобы завести себе приемную мать... На следующий день она начала работать у него в доме. Вернувшись вечером, Иеремия нашел комнаты, где он жил, безупречно чистыми. Нигде не было ни пятнышка. Он чуть не вышел из себя и в стремлении придать комнате обжитой вид разбросал по комнате бумаги, стряхнул на ковер пепел от сигары и разбил бокал с вином. Утром, к немалому огорчению Ханны, все в доме выглядело по-старому.

— Мальчишка! Я прикую тебя к умывальнику, если ты не будешь вести себя как положено. И выброси наконец эту чертову сигару, ты засыпал пеплом всю анфиладу!

Ханна вырвала сигару у него изо рта и бросила ее в бокал с остатками вчерашнего вина, заставив Иеремию задохнуться от изумления. Впрочем, они с Ханной друг друга стоили. Она никогда не сидела без работы, едва успевая убирать за ним пепел и грязь и наводить порядок в доме. Впервые за много лет она почувствовала себя кому-то нужной и любимой, и к Рождеству они с Иеремией стали неразлучными друзьями. Она приходила к нему домой ежедневно, отказываясь взять хоть один выходной...

— Ты что, рехнулся? Знаешь, что будет, если я не появлюсь здесь пару дней? Нет, сэр, вам не выставить меня из этого дома не то что на целый день, а даже на час, понятно?

Ханна держала Иеремию в строгости, однако его всегда ждали горячий ужин и чистая постель, а в доме царил порядок. Ханна заботливо следила даже за теми комнатами, в которых он никогда не появлялся, а если Иеремия приглашал к себе дюжину людей с приисков, чтобы обсудить с ними очередной план расширения владений или просто выпить вина с собственных виноградников, Ханна никогда не жаловалась, как бы они ни напивались и

ни буйнили. Иногда Иеремия нещадно высмеивал ее слепую преданность, но все же она оставалась единственной женщиной в доме. У Ханны хватало ума не задавать лишних вопросов. Однако когда Иеремии исполнилось тридцать лет, она начала мучить его, уговаривая заняться поисками жены.

— Я уже слишком стар, Ханна. Все равно никто не умеет готовить лучше, чем ты.

В ответ она обычно коротко бросала свое неизменное «осел упрямый!». Ханна намекала, что Иеремии нужна жена, женщина, которую он будет любить и которая родит ему сыновей, но он больше не желал и думать об этом. Похоже, он боялся, что стоит ему полюбить кого-нибудь, и этот человек умрет, как умерла Дженни. Он не хотел забивать себе голову, не хотел строить никаких надежд. Боль от раны, нанесенной ему смертью Дженни, с годами утихла. Все было кончено, и его вполне устраивало теперешнее положение.

— А что будет, когда ты умрешь, Иеремия? — Старуха не отрываясь смотрела на него. — Что тогда? Кому ты все это оставишь?

— Тебе, Ханна, кому же еще? — поддразнивал ее Иеремия, и она укоризненно качала головой.

— Тебе нужна жена... и дети...

Однако он не соглашался. Ему хватало и того, что у него было. Он чувствовал себя полностью удовлетворенным. Терстон владел самыми крупными копиями в штате, землей, которую он любил, виноградниками, доставлявшими ему удовольствие, у него была женщина, с которой он спал каждую субботу, и Ханна, содержащая в чистоте его дом. Ему нравились работавшие с ним люди, у него были друзья в Сан-Франциско, с которыми он время от времени встречался. Когда он чувствовал, что ему необходимо встряхнуться, то уезжал на Восток, а то и в Европу. Больше он абсолютно ни в чем не нуждался, и тем более в жене.

Иеремию вполне устраивала Мэри-Эллен, с которой он встречался по крайней мере раз в неделю. Вспомнив о ней, Иеремия улыбнулся. Завтра он поедет к ней прямо с рудника... как всегда... Он уйдет из конторы в полдень, но сначала собственноручно запрет сейф, так как по субботам в конторе редко кто оставался. Он поедет верхом в Калистогу и войдет в крошечный домик. Когда-то он старался остаться незамеченным, но их связь давным-давно перестала быть тайной,

10 а сама Мэри-Эллен не обращала внимания на то, что о

ней говорят. Какое им дело до сплетен? Он давно сказал ей об этом, когда все немного запуталось, но не слишком... Он удобно устроится возле камина и будет любоваться ее медными волосами, или они усядутся на качели во дворе, поглядывая на скрывающий их от посторонних взглядов старый вяз, а потом он обнимет ее и...

— Иеремия! — В его мечты ворвался голос Ханны. Солнце спряталось за холмом, и в воздухе почувствовалась прохлада. — Проклятый мальчишка! Ты что, не слышишь, что я тебя зову?

Иеремия улыбнулся. Ханна обращалась с ним так, как будто ему было пять лет, а не сорок три.

— Прости... я кое о чем задумался... Кое о ком... — Иеремия поднял взгляд на мудрое лицо старой Ханны, и в его глазах загорелся огонек.

— Вся беда в том, что ты ни о чем не думаешь... не слушаешь... не хочешь слышать...

— Может, я оглох? Тебе это не приходило в голову? Ведь я почти старик.

— Может, и так.

Насмешливый огонек в глазах Иеремии погас, едва он увидел пламя, горевшее в зрачках Ханны. Он любил эту старуху, несмотря на ее далеко не ангельский характер. Она долгие годы задавала ему жару, и Иеремия терпел это. Сварливость придавала Ханне известное обаяние и добавляла соли в их добродушные перебранки. Однако сейчас ее лицо было серьезным. Ханна смотрела на него сверху вниз, стоя на высоком крыльце.

— На приисках Харта беда. Не слыхал?

Иеремия нахмурился. Между бровями залегла морщинка.

— Нет. Что случилось? Пожар?

Этого здесь боялись больше всего. Вырвавшемуся на свободу огню ничего не стоило охватить целый рудник и унести жизни многих людей. Иеремия боялся даже подумать о пожаре, но Ханна отрицательно покачала головой.

— Пока неизвестно. Похоже на грипп, хотя кто его знает. Распространяется, как лесной пожар. — Ей не хотелось говорить об этом Иеремии, не хотелось будить воспоминания о Дженни, какими бы далекими они ни казались. Голос Ханны зазвучал тихо, когда она наконец продолжила: — Сегодня у Джона Харта умерла жена... вместе с дочерью... Говорят, его сын тоже плох и может не дожить до утра...

На лице Иеремии появилось выражение боли. Отвернувшись, он закурил сигару и некоторое время мол-

ча взглядывался в вечернюю темноту, а потом опять посмотрел на Ханну.

— Рудник пришлось закрыть. — Рудники Харта по своим размерам уступали в долине только приискам самого Иеремии.

— Мне очень жаль его жену и дочку, — хрипло произнес Иеремиа.

— На этой неделе у него умерло семеро. Говорят, еще тридцать очень плохи.

Это напоминало эпидемию, унесшую жизнь Дженни. Тогда тоже никто ничего не мог поделать. Совсем ничего. Когда Дженни умерла, Иеремиа был рядом с ее отцом. Они молча сидели в гостиной, а душа девушки отлетела, и им оставалось только безнадежно смотреть друг на друга. Вспомнив об этом, Иеремиа почувствовал, как на его сердце лег камень. Он не мог представить себе, какое горе должен пережить человек, теряющий ребенка.

Иеремиа не был другом Джона Харта, но многое в нем его восхищало. Харт приложил немало усилий, чтобы довести до ума свой любимый рудник, а с таким конкурентом, как Терстон, сделать это было совсем не просто. Ему пришлось гораздо тяжелее, чем Иеремии, когда тот начинал свое дело. Прииск Харта был основан четыре года назад, когда хозяину едва стукнуло двадцать два. За это время он сам и его работники добились поистине невероятных успехов. Он не был добрячком, и Иеремиа не раз слышал от тех, кто раньше работал у Харта, а потом перешел к Терстону, что Джон слишком вспыльчив, плохо ладит с рабочими, бывает груб и часто пускает в ход кулаки.

Однако у него было золотое сердце. Он славился своей честностью и порядочностью, вызывавшей у Иеремии восхищение. Ему пару раз довелось встречаться с Джоном, и Иеремиа сразу обратил внимание на несколько ошибок, которые собирался сделать этот юноша, однако Харт не пожелал слушать советов. Он вообще не желал ничего ни от кого принимать. Джон хотел все сделать сам и со временем непременно сделал бы. Но сейчас Иеремиа искренне переживал за него. Судьба обошлась с Джоном еще круче, чем когда-то поступила с ним самим. Иеремиа посмотрел на Ханну, спрашивая взглядом, как ему теперь быть. Они с Джоном Хартом никогда не водили дружбы. Харт смотрел на Иеремию как на соперника, предпочитая держаться от него на расстоянии, и Иеремиа относился к этому с уважением.

— Не валяйте дурака, Терстон, я вам вовсе не друг и не собираюсь им становиться. Я чертовски хочу перешеголять вас, и я добьюсь этого в честной и открытой борьбе. Если мне это удастся, через годик-другой вам придется закрыть все ваши прииски, потому что я куплю всех и вся до самого Нью-Йорка.

Иеремия только улыбнулся, услышав эти дерзкие слова. На самом деле им обоим хватило бы места, но Джон Харт отказывался это понять. При встречах с Иеремией он держался вежливо, но не уступал ни дюйма. У него уже было два пожара и одно наводнение. Когда Иеремия попробовал предложить Джону продать ему рудник, тот обещал расквасить ему физиономию, если Иеремия не уберется с его земли, прежде чем Джон сосчитает до десяти. Однако то, что случилось сейчас, не имело к этому никакого отношения. Собравшись с мыслями, Иеремия направился к лошади. Ханна знала, что он поступит именно так. Таков был его характер. В его большом сердце хватит места для всех, даже для Джона Харта, каким бы вспыльчивым и злым на язык ни был этот мальчишка.

— Не жди меня к ужину.

Он мог не говорить этого. Ханна все равно никуда не уйдет, даже если ей придется провести здесь всю ночь.

— Иди домой и отдыхай.

— Черт побери, занимайся своим делом, Иеремия Терстон. — Вдруг Ханну осенило: — Подожди! Им сейчас не до того, чтобы думать о еде.

Бросившись на кухню, она завернула в салфетку жареного цыпленка и положила его вместе с фруктами и куском пирога в прихваченную с собой седельную сумку. Бегом вернувшись назад, Ханна протянула ее улыбающемуся Иеремии.

— Они точно помрут, если отведают твоей стряпни.

Ханна только усмехнулась:

— Смотри не забудь перекусить сам и не подходи ни к кому слишком близко. Не пей там ничего и не ешь из их посуды.

— Хорошо, мамочка! — С этими словами он развернул лошадь и рванулся в бархатно-черную ночь. Галопом скача через холмы, он предавался своим невеселым думам.

Иеремии понадобилось всего двадцать минут, чтобы добраться до приисков Харта, и он с удивлением заметил, что они здорово разрослись за последнее время. Дела у Джона Харта шли неплохо, однако сейчас любой мог понять, что случилась какая-то беда. Поселок погрузился в зловещую тишину, между домами не видно было ни души, однако

в окнах горел яркий свет, особенно в большом здании на вершине холма. В хозяйском доме, кажется, не осталось ни одной неосвещенной комнаты, у входа выстроилась длинная цепочка людей, пришедших выразить соболезнование Джону Харту.

Спешившись и привязав лошадь к дереву, стоявшему немного поодаль, Иеремия взял сумку, переданную ему Ханной, и пристроился к очереди. Его тут же узнали, и из конца в конец цепочки прокатилось:

— Терстон... Терстон...

Не успел Иеремия пожать руки знакомым, как на крыльце появился Джон Харт. Его лицо казалось изможденным, словно от тяжелой болезни. Из стоявшей позади толпы послышался сочувственный шепот. Джон посмотрел на собравшихся людей, узнавая каждого и отвечая кивком на исполненные соболезнования взгляды. Потом он заметил Иеремию и остановился, глядя, как тот приближается и протягивает ему ладонь. Взгляд Иеремию говорил о том, что он понимает, как страдает сейчас Харт. Остальные немного подались назад, оставив их наедине. Иеремия пожал Джону руку.

— Я сожалею о твоей жене, Джон... Я... Я тоже потерял любимого человека много лет назад... во время эпидемии в шестьдесят восьмом году.

Слова казались невнятными, но Джон Харт знал, что Иеремия все понимает. Он поднял полные слез глаза. Джон был высок, почти одного роста с Иеремией, с иссиня-черными гладкими волосами и темными, как ночь, глазами. Его большие ладони оказались на удивление мягкими. Джон и Иеремия, как ни странно, чем-то напоминали друг друга, несмотря на почти двадцатилетнюю разницу в возрасте.

— Спасибо, что приехали. — Голос Джона звучал глухо, в нем чувствовались опустошенность и тоска. Увидев, что по щеке молодого человека скатились две слезы, Иеремия почувствовал, как в душе у него шевельнулась старая боль.

— Я могу чем-нибудь помочь? — Он вспомнил о взятой с собой еде. Может, кому-нибудь в доме она и пригодится.

Джон Харт заглянул в глаза Иеремию.

— Сегодня умерло семь человек... Матильда... Джейн... — Его голос дрогнул. — Барнаби... — Упомянув имя сына, Джон не смог договорить до конца. Он снова посмотрел на Иеремию. — Врач сказал, что ему не дожить до утра. У троих моих рабочих умерли жены... Пятеро детей... Не следовало вам приезжать сюда. — Джон вдруг понял, как рисковал Иеремия, и это его тронуло.

— Я уже пережил такое однажды и решил узнать, могу ли что-нибудь сделать для тебя. — Он заметил, что лицо собеседника казалось мертвенно-белым, но решил, что Джон побледнел от тоски, а не от ужасного гриппа. — Тебе сейчас не помешает выпить. — Иеремия достал из седельной сумки серебряную фляжку и протянул ее Джону.

Немного поколебавшись, тот взял ее и кивком указал на дверь.

— Не хотите зайти в дом?

Джон подумал, что Иеремия может испугаться, однако Терстон склонил голову в знак согласия:

— Конечно. Я привез тебе поесть. Если ты, конечно, в состоянии...

Джон удивленно посмотрел на Иеремию. Эти слова поразили его. Он ведь чуть не вышвырнул Иеремию вон во время их последней встречи... Тогда он ни за что на свете не желал принять помощь. Но теперь дело обстояло совсем по-другому. Эта беда была совсем иного рода, чем пожар или затопление рудника. Джон тяжело опустился на обитую бархатом кушетку, стоявшую в гостиной, и надолго припал губами к фляжке. Он не торопился вернуть ее, глядя на Иеремию невидящими глазами.

— Я не верю, что их больше нет... Вчера вечером... — Джон судорожно сглотнул, пытаясь сдержать слезы. — Вчера вечером... Джейн сама спустилась по лестнице и поцеловала меня перед сном, несмотря на жар... А сегодня утром Матильда сказала... Матильда сказала... — Из глаз у него полились слезы, он больше не мог их скрывать.

Иеремия обнял Джона за плечи и не отпускал, пока тот плакал. Ни он и никто другой ничем не могли помочь, кроме как оставаться с ним рядом. Наконец Джон посмотрел на Иеремию и увидел, что он тоже плакал.

— Как мне жить без них? Как?.. Мэтти... И моя малышка... А если Барнаби... Терстон, тогда я умру. Я не смогу жить без них.

Иеремия молился про себя, чтобы Джон не потерял сына, понимая, что это вполне может случиться. Стоя возле дома, он слышал, что мальчику очень плохо. По крайней мере так говорили окружавшие его люди.

— Ты еще молод, Джон, у тебя впереди целая жизнь. Сегодня говорить об этом кошунство, но ты снова женишься, и у тебя опять будут дети. Сейчас ты переживаешь самый страшный момент в жизни, но ты выдержишь... Ты должен это сделать... Так оно и будет.